

РАССКАЗЫВАЮТ АМЕРИКАНЦЫ И ФРАНЦУЗЫ - УЧАСТНИКИ И СВИДЕТЕЛИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1944 ГОДА

Стив Вайсс (Steve Weiss, 1925 г.р.), сержантский состав, 36-я Техасская Дивизия. Ко времени высадки в Южной Франции – обстрелянный ветеран, участник боев в Италии.

Вайсс и семеро его товарищей оторвались от своих и укрылись в фермерском доме. С помощью местного полицейского им удалось ускользнуть из укрытия и встретиться с французами из местного отряда *Сопротивления*. Судя по всему, описываемые события происходили в горах на правом берегу Роны примерно в 100 км от Монтелимара.

В городке St Perez, в кафе Hotel de Nord, с нами встретились представители местных сил Сопротивления. Они хотели знать, откуда мы появились, чем были заняты, каковы наши планы. Это продолжалось около часа, и был момент, когда мне показалось, что они нам не очень доверяют. В те дни тебя могли вывести на улицу и пристрелить без особых промедлений. Однако, в итоге, они нам поверили и начали угощать нас выпивкой...

Пока мы находились там, кто-то сообщил, что по противоположному берегу реки приближаются немецкие части и нам нужно уходить. Мы ушли в горы, километров за 20 от городка, в какую-то деревушку. Там я и встретил человека, руководившего местным Сопротивлением. Это был коммодор Франсуа Бинош (Commodore Francois Binoche). Его штаб занимал местную гостиницу. Мы отдохнули, нас покормили, после чего мы присоединились к местному отряду и подключились к боевым действиям против немцев. Я и Бинош, который был бывшим офицером Иностранного Легиона, хорошо ладили.

Как-то он спросил меня, не хочу ли я пойти и поохотиться на кроликов. Я сказал ему: «Ну, я из Нью-Йорка и никогда ни на кого не охотился, но почему бы и нет?» Он ответил, что завтра, в назначенное время, мы вместе пойдем на охоту. Утром я был готов к выходу, и тут появился майор полиции по имени Матэ/Matheu, который должен был возглавить «охоту.» Я сказал ему: «Я слышал, мы собираемся охотиться на кроликов.» Он засмеялся и ответил: «Кролики? Мы будем охотиться на немцев.»

Мы ... собрались атаковать дом, в котором, как предполагалось, были немцы, но тут из него вышли французы и сказали, что немцы, которые останавливались здесь, ушли. Майор, я и еще один парень воспользовались небольшим автомобилем и стали искать немцев. Часами мы ездили, заходили в дома и спрашивали, не видели ли хозяева немцев [поблизости]. Ближе к вечеру мы заехали в деревню под названием Суайон/Soyons. Тут у нас сдулась шина, и майор попросил меня подкачать ее, пока они будут ходить по деревне и присматриваться к тому, что тут и как.

Я подкачивал шину, когда меня просто швырнуло на бампер. Я услышал, крики и стоны каких-то людей. Пробежал ярдов 50 и оказался там, где только что произошел взрыв. Я увидел дерево, лежавшее поперек дороги и французов, которые попытались силами военнопленных немцев убрать это дерево с дороги. Им удалось сдвинуть дерево с места, и тогда раздался взрыв – французы не имели понятия о том, что это ловушка. Взрывом, который швырнул меня на машину, восемь немцев были убиты. Я не знаю, сколько французов при этом погибло. Матэ был ранен, второго парня, который до этого был с нами, я больше ни разу не видел.

Охота превратилась в операцию по спасению пострадавших. Мы постарались перетащить раненых в небольшую местную больницу. Мне было поручено охранять раненого немца. Я начал разговаривать с ним, пока мы ждали врача. Мы оба немного говорили по-французски, показали друг другу фотографии и попытались преодолеть то сумасшествие, которое несет с собой война...

Когда я вернулся в ту деревню, где находился штаб Сопротивления, там уже был капитан OSS (Управления Стратегических Служб), который отмахал аж 60 км, прежде чем попасть туда. Он спросил, не хотим ли мы присоединиться к его группе, состоявшей из парашютистов-коммандос. У меня не было особого желания сделать это. Я предпочел остаться с французами и сражаться вместе с ними, хотя их боевая тактика казалась мне довольно убогой.*

Это стало одним из наиболее значительных эпизодов в моей [фронтовой] жизни. Там я приобрел друзей на всю жизнь. В городе Сент-Агрев/St. Agreve до сих пор живут люди, которые меня помнят, мы часто встречаемся с ними, в том числе, с генералом Биношем...

После нескольких недель, проведенных вместе с бойцами *Сопротивления*, Вайсс вернулся в регулярную часть американской армии. Здесь, уже на территории Германии, с ним случился психологический надлом, и обозленный некомпетентностью своего командира Вайсс дезертировал. Он сам вернулся в свою часть, но был арестован, попал под суд и получил пожизненный срок. Однако уже вскоре он был освобожден благодаря усилиям тюремного психолога... За боевые заслуги он был награжден французским Военным Крестом (Croix de Guerre) и стал единственным американцем, заслужившим *Medaille de la Resistance Francaise* и получил звание *Офицера Почетного Легиона (Officier in the French Legion of Honor)*. Среди его американских боевых наград – *Бронзовая Звезда*.

*По-видимому, этот отряд коммандос входил в боевую группу *Louise*. 5-6 отрядов численностью около 15 человек были выброшены американцами в этот район для проведения диверсионных действий. В отрядах были люди, говорившие по-французски. В одном из таких отрядов сражался пулеметчик со сбитого бомбардировщика В-17 Клем Даулер (Clem Dowler - <http://www.warhistoryonline.com/world-war-ii/ball-turret-gunner-to-querilla-fighter.html>) - ВК

Стив Вайсс получает французский Военный Крест. Июль 1946 г.
<http://www.dailymail.co.uk/news/article-2332814/The-wartime-TRUTH-Army-tried-hide-How-gangs-U-S-deserters-terrorized-WWII-Paris-reign-mob-style-violence.html>

<https://www.amazon.com/Second-Chance-Resistance-Liberation-1943-1946/dp/178039232X>

<https://www.npr.org/2013/06/17/189275754/wwii-deserters-stories-of-men-who-left-the-front-lines>

<http://www.abroadintheyard.com/untold-story-of-deserters-world-war-2/>

THE WAR YEARS. 1939-1945. EYEWITNESS ACCOUNTS. 1994

Дуглас Бэйли (Douglas M Bailey), 463-й Воздушнодесантный Батальон Полевой Артиллерии/463rd Parachute Field Artillery Battalion

Мы подлетели к побережью Южной Франции и десантировались в 4.30 утра. Предполагалось, что мы приземлимся в районе города Ле-Мюй, милях в 16 от побережья. Когда вторжение планировалось, командование не ожидало, что побережье и суша на мили вглубь окажется под покровом низкой облачности. Когда открылся мой парашют, я вошел в облака, которые счел приповерхностным туманом, и начал готовиться к приземлению. Однако это не был приповерхностный туман – это было просто облако, через которое я пролетел. Потом я сразу попал в другое облако, и, когда я выпал из него, я увидел под собой все побережье и сообразил, что нашу часть выбросили не там, где было нужно. Я находился не очень высоко над землей и стал пытаться направить свой парашют вглубь суши, подальше от моря. Приземлился я ярдах в двухстах от воды.

Мы приземлились в городке Сен-Тропе и в его окрестностях. Позднее я узнал, что из одного самолета нашей группы все десантники упали в море. Ни один не выжил...

Солдат противника, с которыми мы столкнулись, нельзя было назвать первоклассными бойцами. В отряде, который оборонял захваченный нами на самом берегу бетонный форт, были немецкий сержант и немецкий капрал. Остальные 14 или около того были людьми разных балканских национальностей, которых немцы силой загнали в армию. У них были немецкое оружие и немецкая униформа. Они быстро капитулировали после того, как мы открыли по ним сильный огонь. Мы взяли множество пленных и потом передали их солдатам 3-й Пехотной Дивизии, когда они высадились на берег.

Наши пушки были сброшены с самолетов девятью блоками (упаковками). По отдельности шли колеса и ящик с затвором и прицелом, которые мы вытолкали из двери, когда загорелся зеленый свет. Некоторые самолеты сбрасывали обернутые в прокладочный материал упаковки с боеприпасами, которые мы называли Para-crates. Часть ящиков была снабжена двумя колесами и длинной ручкой, за которую можно было

тянуть ящик и катить его за собой. Наши пушки имели калибр 75-мм и изначально были спроектированы для горных условий: тянуть за собой их должны были мулы...

<http://www.secondworldwar.nl/douglas-m-bailey-operation-dragoon.php>

Французские коммандос

Отряд французских коммандос *Groupe Naval d'Assaut de Corse* получил задание высадиться на крайнем правом фланге всего фронта высадки до прибытия основных сил, в 2 часа ночи 15 августа 1944 г. 67 моряков и прикомандированный к ним инженер-механик должны были высадиться с надувных лодок в точке Пуант-де-л'Эскийон/*Pointe de l'Esquillon*, к югу от деревни Теуль-сюр-Мер/*Théoule sur Mer*, на участке, который обороняли русские добровольцы 661-го Остбатальона.

Фотографии находок, сделанных Жан-Лу Гассеном (*Jean-Loup Gassend*) на месте оборонительных позиций 661-го Остбатальона. По-видимому, на вооружении батальона были автоматы ППШ, на солдатских жетонах можно различить буквы RUSS (фотографии предоставлены автором)

Эта фотография нескольких командос из отряда Groupe Naval d'Assaut de Corse была сделана 14 августа, за день до высадки. В своей книге Operation Dragoon историк Жак Робишон (Jacques Robichon) сделал следующую подпись к этому фото: На фото десятеро из них – Reserve Officer Auboyneau, моряки Chery, Gerard, Travers, Wissmann, Paquelet, Andreuccetti и Second-Master Martini – все они будут ранены или попадут в плен через несколько часов. Sub-Lieutenant Pierre Servel (на заднем плане в центре) и Quarter-Master Jacques Guidoni (слева, ближе к носу лодки) погибнут на минном поле (Chaffiotte Family Collection).

Французам было дано задание подорвать и разрушить дорожное полотно на проходивших на удалении от берега прибрежной дороге D6098 и шоссе RN7 (Route Nationale 7) для того, чтобы отрезать немецким частям, развернутым на берегу, путь к отступлению на запад. Этот рейд окончился полным провалом, так как зона высадки оказалась плотно заминированной, хотя разведка предоставила совершенно противоположные данные. **Коммандер Роланд Серьо (Roland Seriot)** написал следующий отчет об операции:

Операция, которую было приказано провести отряду Groupe Naval d'Assaut de Corse силами 60-75 человек между городами ле Трайа/le Trayas и Теуль-сюр-Мер, была нацелена на разрушение в дневное время полотна следующих дорог:

- расположенной в глубине страны дороги между Каннами/Cannes и Фрежюс/Fréjus
- прибрежной дороги между Каннами и Сен-Рафаэлем/St Raphaël

Целью операции была защита правого фланга основного сектора высадки.

Я отрядил для этой миссии отряд из 42 человек под командованием лейтенант-коммандера Марша (Lieutenant Commander Marche) и отряд из 25 человек под командованием лейтенанта Летонтюрье (Letonturier).

Я принял решение лично сопровождать эти отряды до самого берега при участии одного из унтер-офицеров моей группы, а затем, сразу после высадки, вернуться на торпедный катер, один из тех, что доставил нас...

Отплытие из Бастии – 14 августа в 18.00. Спокойное море – безветренно – ясная ночь – легкий туман.

Остановились в 1500 м от точки в 00.35, отдал приказ спустить лодки на воду; до того, как приказ был выполнен, над Каннами поднялась сигнальная ракета: остановили спуск лодок на воду и немного продвинулись на юг после появления двух судов, которые, как показалось вышли из [порта] Канн; определили, что эти суда идут на юг на расстоянии две мили от берега со скоростью примерно 10 узлов. Вернулись к точке высадки [к ее траверсу].

01:15 – Остановились в 1 800 метрах от точки. В этот момент в том же месте, что и ранее, появилась сигнальная ракета. Отдал приказ спустить лодки на воду так или иначе.

01:20 – Покинул катер (?-номер - ВК) 306, направляюсь к берегу.

01:40 – Достиг берега: берег виден отлично, виден маленький огонек на середине подъема в гору, должно быть, это передовой пост немцев, на котором, как определила разведка, находятся три пулемета; это также то место, откуда будет действовать противник позднее.

Современный вид на побережье Ривьеры в районе Пуант-де-л'Эскийон (коллекция Жана-Лу Гассена)

01:50 – Нашел запланированное место высадки, довольно удобное (галечный пляж шириной 15 метров, проходимые склоны). Но, боюсь, лодки, которые подходят к берегу, не увидят мой слабый световой сигнал - как следствие, я покидаю бухту и сигналию лодкам красным светом; радио не работает (заблокировано).

02:00 – Увидел лодки, двигающиеся в моем направлении и дошедшие очень быстро, принял их под команду, чтобы задать им направление; в этот момент прозвучал пулеметная очередь, кажется, из ранее упомянутой точки; очень скоро из той же точки взлетела красная ракета.

Эта сигнальная ракета полностью не сработала и быстро упала в воду между немецким постом и лодками; никакой стрельбы не последовало, могло показаться, что немцев эта ракета ослепила и они не видят лодки, о существовании которых они только подозревали.

02:10 – Четыре лодки командера Марша вошли в бухту, в глубине которой находится наш пляж, в 50 метрах от нас. Я развернулся и снова вышел в открытое море в поисках трех остальных лодок лейтенанта Летонтюрье. Я сразу заметил их, отойдя слишком далеко влево, потом подал им сигнал фонарем. Они выправили свой курс, направились в сторону бухты и вошли в нее.

Я снова развернулся и направился в сторону торпедных катеров; в самом деле, я покинул их 50 минут назад, и предполагалось, что я буду отсутствовать не более часа...

02:40 – Заметил торпедный катер (с него увидели мои сигналы).

02:45 – Поднялся на борт катера. Меня не было 1 час 25 минут.

Начиная с 02:20, когда прозвучала единственная пулеметная очередь и взлетели ракеты, до 02:50, когда торпедный катер ушел в море, ни я, ни люди на катере не заметили чего-либо, происходящего на берегу. То есть, казалось, что у немцев была ложная тревога и они успокоились, выпустив в воздух белую ракету.

Вспоминает инженер-механик Люсьен Шаффиотт (Engineer Mechanic Lucien Chaffiotte). 20 лет спустя он изложил следующую, несколько романтизированную историю событий:

В 23:30, 14-го августа, наши катера остановились в 1500 метрах к югу от Ле Трайа к западу от Канн. Спуск наших лодок на воду был отложен из-за появившихся в небе осветительных ракет, но уже вскоре вся группа высадилась в точке Пуан де л'Эскийон/Pointe de l'Esquillon без пяти минут полночь.

Наш успех казался predetermined, как и всегда. Мы были горды тем, что будем первыми, кто начнет освобождение нашей страны. Было тихо, была глубокая ночь. Несмотря на вес нашего снаряжения и взрывчатки, ребята с радостью начали карабкаться вверх по береговому склону.

Увы! Мы не знали, что немцы заминировали этот участок побережья несколькими днями раньше. Первая дорога, на которую мы должны были выйти, проходила примерно в 200 метрах от берега. Мы продвигались быстро и молча. Офицер по фамилии Обойно/Aubouneau [Переводчик и Кодировщик, Резервист / Interpreter and Code Reserve Officer], который вел отряд, пройдя около сотни метров, наступил на мину и получил тяжелые ранения. Двое парней по обе стороны от него были убиты.

В первые минуты боя, когда он только начинается, сердца бойцов охватывает тревога, часто даже страх. Хладнокровное пересечение через минное поле без каких-либо миноискателей стало испытанием, потребовавшим абсолютной выдержки. Ступив на землю Франции, которую мы покинули четыре года назад, мы отказались повернуть назад...

Мы продолжили движение вперед. Расстояние, отделяющее нас от дороги, медленно сокращалось. Смерть непрерывно наносила свои удары. Мины взрывались всюду и везде, но мы держались одной группой и шли. Однако мы растеряли свой героизм еще до рассвета и так и не добрались до дороги. Наш командир, лейтенант-коммандер, погиб страшной смертью, вероятно, на последней мине в 20 метрах от цели. Этот кошмар кончился с первыми лучами рассвета...

Коммандос, потеряв половину людей, и оказавшись в поле зрения немцев, наблюдавших за ними с дороги, были вынуждены сдаться в плен... Одним из тех, кто остался цел и невредим, был моряк **Анри Наннини (Henri Nannini)**. Он вспоминал:

Мины взрывались всюду и везде, поскольку они были соединены друг с другом [детонационными шнурами]. С нами было четверо офицеров, двое из которых - командант Марш (Marche) и лейтенант Сервель (Serval) были убиты. Откуда-то сверху немцы навели на нас прожектор и призвали нас сдаться. Шаффиотт сдался немцам с примерно еще пятнадцатью парнями.

Что касается меня, то я только-только вступил на минное поле, потому что карабкался вверх одним из последних, и, услышав взрывы, не стал рваться вперед. Я сообразил, что все кончено и мне не было смысла идти дальше, чтобы подорваться на мине и, возможно, оказаться в плену. Вот почему я повернул назад еще с несколькими

парнями. Мы вернулись на пляж и поплыли в сторону от берега. Английский корабль подобрал нас и доставил в Кальви/Calvi. Нас было примерно семеро – тех, кто выбрался из этой передраги, остальные были убиты, ранены или попали в плен...

Большинство командос, тем не менее, оказалось на минном поле. Вспоминает моряк **Жан Кампана (Jean Campana)**:

Мы провели в Кальви около месяца, занимаясь боевой подготовкой, и 14-го числа, за день до высадки, нас перевезли в Бастию. В Бастии нас ждали скоростные катера, и на них мы вышли в море для высадки в районе Пуант де л'Эскийон. Предполагалось, что мы взорвем какие-то мосты, чтобы не дать немецким танкам возможности выйти к берегу, чтобы встретить там высаживающиеся войска.

Мы уже спустили лодку на воду, когда немцы выпустили в воздух несколько осветительных ракет и разглядели катера. Они открыли по нам огонь, и катера были вынуждены отойти. У катеров было по два двигателя: дизельный и электрический – последний не издавал шума. Катера отошли, переключились на электродвигатели и вернулись на нужное место. Теперь немцы нас не видели, поэтому мы спустили лодки на воду, вышли на берег и начали карабкаться вверх. Какое-то продолжительное время мы двигались вперед. Мы даже видели немцев, они были недалеко, и мы могли слышать, как они переговариваются. Мы даже разглядели пушку со свечой, поставленной на самый конец ствола. Еще продвинувшись вперед, мы неожиданно натолкнулись на минное поле...

Теоретически, мы не должны были наскочить на мины. Потом нам сказали, что немцы уложили их в тот самый день, 14-го. Я думаю, они как-то узнали о том, что мы собираемся высаживаться, поскольку в противном случае никаких мин там не предполагалось. С нами был один армейский парень – Мариус Арзалье/Marius Arzalier, у которого был миноискатель. Он шел впереди и не заметил присутствие мин. Он был первым, кто подорвался и погиб. После этого операция продолжалась недолго, мы стали подрываться на минах, началось настоящее побоище. Думаю, нас было 27, и из этих 27 человек десять погибло, остальные были ранены. Коммандер Марш погиб прямо рядом со мной. Я был ранен: я тоже наступил на мину. Немцы стреляли по нам, но человек десять из нас сумели выбраться из всего этого. Они спрятались, и через несколько дней соединились с [высадившимися] американцами.

Ранен я был тяжело. Мне пробило легкое, почку, руку и ногу. Немцы подошли к нам, оказали что-то вроде первой помощи, но оставили нас там, где мы были. Это их мало беспокоило, они решили, что нам и так конец. Я остался жив, потому что у меня не было кровотечения. Некоторые из нас остались бы всего лишь с легкими ранениями, если бы не кровотечение. Среди нас был лейтенант, который был ранен в верхнюю часть бедра. Он прожил еще два или три дня, а потом умер, потому что потерял всю свою кровь. Один парень, старший квартирмейстер Гидони (Quartier Maitre Chef Guidoni) получил рану в горло. Рана была пустяковая, но он истек кровью, потому что его никто не подобрал. Он умер в пяти или шести метрах от меня. Моча выходила из меня с кровью, я с трудом дышал, слыша свист из-за дырок в моем легком. Если бы у меня было кровотечение, и я бы умер. Первый день я был в сознании, но потом потерял его. У нас с собой были витамины, глотая которые, можно было избежать голода. Я знаю, что съел их довольно много, но не помню, сколько. Я оставался там четыре дня, пока не подошли американцы.

Они нашли меня, сделали укол, я почувствовал, что ко мне возвращаются силы, но они сказали «Finish» и ушли. Я уже было подумал, что и вправду умер, но через пару часов они вернулись с двумя немецкими военнопленными и носилками и эвакуировали меня. До

дороги от того места было двести-триста метров. Склон был крутым, скалистым, и парень, идущий сзади, был вынужден поднимать носилки над головой, а идущий впереди садиться на колени. На дороге стоял танк. Они положили меня за ним, вокруг стреляли, поэтому они затащили меня за какой-то холм, где я был в безопасности. Потом на санитарной машине меня отвезли в полевой палаточный госпиталь. Там мне сделали операцию. В госпитале я оставался еще несколько дней, оттуда меня переправили в Сен-Рафаэль.

Мои домашние получили посылку с моим вещевым мешком и всем остальным, будто я погиб. Когда я был в Сен-Рафаэле, в порт зашел корабль, помню, название его было *Chasseur 53*. Люди на причале сказали морякам: «В родильном доме лежат несколько моряков.» Они заглянули к нам. Корабль уходил в Аяччо/Аджассио (Корсика) ночью того же дня, и я написал короткую записку, которую отдал им. В Аяччо они отправили письмо, которое дошло до моих родителей. Вот тогда они сказали: «Так он живой!»

На самом деле, Жан Кампана был подобран американцами «всего» через сутки, но в той ситуации ему показалось, что прошли дни...

О Сопротивлении

Побоище в Ариане/Ariane

Когда известия о высадке союзников достигли отделений *Гестапо* в Приморских Альпах, сотрудники этой организации, в какой-то степени, запаниковали. Был отдан приказ ликвидировать всех заключенных, удерживаемых *Гестапо*, в рамках подготовки к быстрому уходу из южной Франции. В Каннах было расстреляно 8 заключенных, в квартале Ниццы Ариан немцами были убиты 23 человека. В отличие от событий в Каннах, где не осталось свидетелей, мы немало знаем о событиях в Ариане. Один из свидетелей позднее писал в газете *l'Ergot*:

Около 16.20 я увидел грузовик, забитый гражданскими лицами, находившимися под конвоем немецких солдат. Он направлялся в сторону одного из принадлежавших мне зданий в квартале Ариан. Я знал, что там уже казнили двух патриотов, и почувствовал, что надвигается еще одна трагедия.

Я поспешил к своему письменному столу, взял бинокль и поднялся на 5-й этаж фабрики. Из окна я увидел, что за грузовиком люди выстраиваются в две группы. В первой группе было 8 человек. Группа стала спускаться вниз по насыпи... Вот спускается вторая группа, впереди нее – священник, сразу за ним идут три женщины, чуть дальше – остальные люди из этой группы. В этот момент четверо немецких солдат открывают огонь из автоматов, скашивая людей... Поднимается паника, некоторые пытаются вскарабкаться вверх по насыпи, чтобы спастись, но их убивают в спину. Тела падают одно на другое. Тех, кто еще дышит или стонет, тут же приканчивают.

Официальный доклад, написанный шефом отделения полиции 3-го района Ниццы по имени **Жозеф Кап (Joseph Cape)**, повествует о дальнейшем:

15 августа 1944 г. в 17.50, в день высадки союзников, германская полиция уведомила нас о том, что только что были расстреляны 23 человека на одном из пустырей квартала Ариан и что трупы нужно немедленно убрать. Мы сразу же отправились на место расстрела: я секретарь полиции Андре Дюпо/André Dupouy, офицер Плюсс/Pluss и группа офицеров. На пустыре мы увидели 23 трупа (3 женщины и 20 мужчин), сваленных друг

на друга. Их лица были изуродованы выстрелами в упор. Каждый труп имел 2-4 пулевых раны. Вокруг были разбросаны гильзы автоматных патронов. Когда мы прибыли на место, трупы охраняли двое немецких солдат, которые заявили нам, что не участвовали в расстреле, но не сообщили никаких подробностей. Мы вызвали доктора Рамона, который засвидетельствовал смерть и заключил, что в каждом случае смерть была мгновенной. Мы организовали перевозку трупов в морг кладбища Саусада после того, как уведомили о случившемся префекта, прокурора и прямых начальников.

Позднее мы смогли выяснить, что стрельба была слышна около 15.00, то есть за два с половиной часа до того, как нам позвонили немцы. Никто из жителей квартала не был свидетелем расстрела. В тот же день были идентифицированы 10 трупов, тогда как остальные 13, сфотографированные и обмерянные, были опознаны членами их семей вслед за объявлением, сделанным в газетах.

Во время расследования мы установили, что часть жертв была из немецкого отделения тюрьмы в Ницце, а другая была передана немецкой [специальной] службой отеля Excelsior Ниццы. Нам не удалось выяснить имена тех, кто производил казнь – по нашему мнению, это могли быть только сотрудники Гестапо Ниццы...

Из 23 погибших 21 был участником Сопротивления, двое остальных – Фанселлу Анж/Fancellu Ange and Гляссе Этьенн/Glasser Etienne – были известны нашей службе как вспомогательные агенты германской полиции, совершавшие ограбления, выдавая себя за полицейских.

Стоит отметить, что немцы воспользовались возможностью уничтожить участников Сопротивления в том числе и для того, чтобы избавиться от уже ненужных им коллаборантов...

Фото, сделанное немцами в мае 1944 г. Участники Сопротивления, расстрелянные в районе города Лантийи/Lantilly

<https://www.pinterest.com.au/pin/536983955545385994/>

...Иногда говорят, что *Сопротивление* освободило 90% территории Приморских Альп своими силами, тогда как союзники освободили всего 10%. В то время как это, в существенной мере, правда, следует добавить 90% территорий, освобожденных *Сопротивлением*, вообще не были оккупированы, тогда как 10% территорий, освобожденных союзниками, были оккупированы 90% немецких войск, и в их пределах находились главные города Приморских Альп. Высказав это соображение, отметим, что роль *Сопротивления* не стоит преуменьшать, поскольку его операции определенно оказали серьезное значение на стратегическую ситуацию для немцев в регионе.

Рассказывает **полковник Жак «Сапен» Лекюйе (Colonel Jacques ‘Sapin’ Lécuyer)**, командующий силами *Сопротивления* района R2 в юго-восточной Франции, так описывает захват и ликвидацию небольших немецких гарнизонов, дислоцированных в горной местности:

15 августа мы спустились к деревне Пюже-Тенье/Puget-Théniers в плохоньком грузовике. Небольшой немецкий гарнизон был ликвидирован отрядом Франсуа (Мазье)/François (Mazier) на рассвете...

Деревня St Martin Vésubie/Сен-Мартен-Везюби

17 августа до этого подвергавшийся атакам и засадам на протяжении нескольких дней небольшой немецкий гарнизон этой деревни сдался группе Моргана (Фоатта)/Morgan (Foatta). Морган оставил деревню на попечение местным жителям и вернулся на [базу] в Лантоск/Lantosque со своими пленными... Немцы укрепили границу силами больших патрульных отрядов, один из которых занял городок Сен-Мартен 21-го числа. Их выбил из городка 22-го или 23-го отряд Ошкорна (Дормуа)/Hochcorn (Dormou), который позднее отразил атаки всех немецких патрулей, которые они присылали из района своей дислокации в приюте (ВК-?) Мадон де Фенестр/Madone des Fenestres.

Банкэрон/Le Bancairon.

Это название гидроэлектростанции на реке Тинée/Тине с довольно большим комплексом зданий. Военнослужащие всех немецких гарнизонов, ранее разбросанных по ее долине, были собраны здесь из соображений предосторожности по мере усиления давления со стороны маки. 16 августа отряды Моргана, Родольфа (капитан де Лестан Лабрусс)/Rodolphe (Captain de Lestang-Labrousse) и Франсуа окружили гидроэлектростанцию, заняв позиции на высотах по обе стороны долины и начали беспокоить гарнизон обстрелами.

Французский полицейский был захвачен немцами в качестве, в той или иной степени, заложника. Телефонная связь между станцией и внешним миром не была перерезана, и Франсуа вступил в переговоры с немецким старшим офицером по телефону через полицейского, пытаясь убедить его в том, что всякое сопротивление бесполезно. Он прислал мне вестового, чтобы оповестить о сложившейся ситуации. Я находился в Пюже-Тенье. Я по-прежнему носил форму партизана-маки. Поскольку было невозможно одеть всех бойцов военную форму, никто из нас – кадровых военных – тоже не носил

форму. Форма могла бы помочь нам в том, что немцы не стали бы рассматривать нас как франтиреров (*franc-tireurs*) (автор имеет виду следующее: захваченные немцами партизаны в гражданской одежде имели все шансы быть расстрелянными – ВК), а мы не хотели, чтобы другие думали о нас как о людях, которые не хотят рисковать так же, как все остальные. У меня были брюки и рубашка цвета хаки (мы нередко получали в сброшенных с парашютом грузах кое-какую одежду), фуражка, знаки различия на фуражке, погоны и портупея с великолепным Кольтом, подаренным мне генералом Фредериком.

19-го я вошел на территорию электростанции, собрал гарнизон, попросил их опустить оружие и объявил условия капитуляции. Само собой, они были приняты. Гарнизон промаршировал с территории станции по дороге и за первым же поворотом увидел наши «войска» и автомобили. Увидев их, немецкий офицер отшатнулся и сказал мне: «Вы обвели меня вокруг пальца!» - Я ответил: «Нет! Я и правда офицер, окончил Сен Сир и приземлился здесь больше трех лет назад. С вами будут обращаться как с военнопленными в соответствии с правилами ведения военных действий.» На следующий день их отправили в Бей/Beuil, где присоединились к пленным из Пюже-Тенье и Сен-Мартен-Везюби. Позднее их передали американцам из 1-й Армии...

Пленные немцы из небольшого гарнизона городка Пюже-Тенье в ожидании, того как теперь повернется их судьба. Они окружены партизанами и любопытными местными жителями (MRA Collection).

Следует отметить, что никто из этих больших групп немецких военнопленных не был казнен, ни с кем не стали обращаться дурно, хотя ходили легенды о том, что «маки не никогда не берут пленных».

Однако 16 августа троим немцам, отбившимся от своих и проходившим через деревню Рокбийёр/Roquebillière, немного к югу от Сен-Мартен-Везюби, повезло не столь сильно. Сообразив, что долина контролируется маки, они решили сдаться двоим местным. И тут появился грузовик с партизанами, которые расстреляли всех троих в деревне Лантоск. Местный священник, аббат **Бессано (Bessano)** рассказал об этом:

Трое немецких солдат, захваченных близ деревни Рокбийер, были расстреляны на заднем дворе казармы и похоронены под каштановым деревом. Их имена остались неизвестными,

Засада в деревне Монтору/Montauroux

Вновь заняв город Кальян, немцы вскоре проследовали в сторону близлежащей деревни Монтору. Это была одиночная машина, направившаяся в деревню. Был это разведывательный патруль или немцы просто заблудились? О событиях 17 (?) августа рассказывает свидетель **Раймон Карбонель (Raymond Carbonel)**. Здесь партизаны уже объединили силы с группами американских десантников:

Утром и в ранний полдень происходило то же, что и днем раньше: суматоха в деревне, особенно на площади Clos, и обстрелы с воздуха немецких конвоев, продвигавшихся по долине, поскольку высадившиеся на побережье войска все еще не добрались до нас.

Ближе к вечеру дела стали совсем плохи, и едва удалось избежать трагедии. С наблюдательных постов бойцы увидели грузовик, забитый немецкими солдатами и едущий в сторону деревни Шемен Шамбаро/Chemin Chambarot. Несколько американцев и бойцов FFI установили пулемет калибром 0.50 в последнем доме на пересечении улиц Rue Lacombe и Rue des Ecoles на склоне, спускающемся в долину.

Как только грузовик Рено оказался в пределах досягаемости, американцы и маки открыли огонь. Грузовик остановился, и немцы стали выпрыгивать из него. Перестреляли всех. На земле осталось одиннадцать тел после того, как огонь прекратился.

Сделав свое дело, в свете того, что немцы могут вернуться в деревню в большом количестве, американцы и маки покинули деревню. Уход был поспешным: большое количество снаряжения, продовольствия и боеприпасов было брошено. На дороге, при въезде в деревню, остался грузовик и трупы немцев... Какой могла бы стать реакция немецких солдат, если они появятся и наткнутся на своих убитых посреди деревни, где не осталось ни одного бойца? Вероятно, за этим последовало бы жестокое возмездие: деревня была бы разрушена или сожжена, местное население ждало бы побоище...

По счастью, несколько мужчин (в деревне их оставалось немного) решили избавиться от следов только что случившегося боя. Среди них было трое моих дядек, а-да Имбер/Imbert и Бернар/Bernard и еще несколько человек. Трупы погрузили в грузовик, Бернар привел его в рабочее состояние и отогнал в руины церкви St Barthélémy. Там на скорую руку, под стеной, вырыли яму для трупов.

Мои дядьки не хотели, чтобы я участвовал в сборе трупов по причине моего юного возраста, и попросили меня постоять «на стрёме» на углу улиц Rue Mirabeau and Rue Rouguière. Все обошлось без происшествий, но могила только-только была зарыта, когда появились немецкие грузовики с солдатами (около 30 человек) и остановились на площади Clos. Эти немцы ничего не заметили! Нам нужно было благодарить Провидение...

Одним из партизан, участвовавших в успешной засаде, был **Марсель Геррин (Marcel Guerrin)**. Он добавляет некоторые детали:

Мы были на сторожевом посту. Партизанами командовал человек по имени Дюрандаль/Durandal, там были также Эли Гайо/Eli Gallo из Монторо и еще один парень из Сен-Сюзер/ St Cézaire, которого после боя никто больше не видел. Мы сидели в укрытии и не ждали, что придется в кого-то стрелять, но тут неожиданно появился грузовик.

Дюрандаль сказал: «Halt!», и грузовик остановился. Он сразу же открыл огонь, грузовик покатился назад, и в этот момент все начали стрелять. Мы стреляли, не целясь, а они [выскакивали] из грузовика с криками «Raus, Raus, Raus!»

У нас был американский пулемет, который выпустил 7 или 8 пуль, а затем его заклинило. Пулеметная лента была матерчатой, и, наверное, когда мы везли пулемет на грузовике с базы маки, его трясло и било – вот его и заклинило. То есть, у нас остались только автоматы. На площади Clos были американцы, они услышали стрельбу и появились поблизости. Один из немцев умудрился забраться на стену и уже собирался бросить [в нас] гранату, когда один из американцев подстрелил его... Немца разорвало на куски. Его тело никто не стал подбирать: его останки оставались размазанными по стене несколько месяцев.

Когда бой закончился, мы подошли, чтобы разглядеть нанесенный нами [немцам] ущерб. В куче трупов было 11 тел, и то ли один, то ли двое немцев сумели сбежать.

По-видимому, американцем, который участвовал в бою застрелил собиравшегося бросить гранату немца, был 1-й лейтенант Мак-Элрой/McElroy из Роты G 517-го Воздушнодесантного Полка. К сожалению, единственный известный американский источник описывает эти события в искаженной и упрощенной форме. Вот что написал командир Роты G капитан **Грант Хупер/Grant Hooper** в своем рапорте (он постоянно пишет «Кальян» вместо «Монтору» в своем рапорте):

1-й лейтенант МакЭлрой приземлился в районе Кальяна и отправился собирать других десантников. По дороге на Кальян, где он собирался соединиться с другими десанниками, он вступил в перестрелку с немцами. Он убил пятерых из них, сам был легко ранен, когда застрелил одного, который уже вытащил чеку из гранаты.

Слева направо: капитан Грант Хупер, 1-й лейтенант Мак-Элрой и 2-й лейтенант Ховард Хенсли (Howard Hensleigh) – все они офицеры 3-го батальона 517-го Парашютного Полка (Howard Hensleigh Collection).

Многие местные жители захотели увидеть мертвых немцев. 13-летняя **Элен Карбонель (Hélène Carbonel)** была среди них:

Я спросила у Жано: «На что смотрят люди?» Мне было интересно. Он сказал: «Мертвые немцы. Хочешь их увидеть?» Я сказала «да», но, наверное, это было ошибкой, потому что мне не нужно было на них смотреть. Они были укрыты брезентом, его убрали, я посмотрела и сразу же ушла, потому что зрелище было тошнотворным.

Клод Бернар (Claude Bernard), в то время был совсем ребенком. Вот что он рассказывал:

Люди говорили: «Подъезжает грузовик, они собираются атаковать его!» Я услышал выстрелы, но все происходило за поворотом дороги, и я ничего не увидел. В тот момент. Я помню, появился парень, который сказал: «Все кончено, я убил их всех. Придурки – они уже сдавались, когда один из них достал гранату, чтобы бросить в нас. Ну она и взорвалась там, где они были. Среди них были раненые, но нас так разозлило то, что они не [все] захотели сдаваться, что я перебил их всех из своего автомата.»

Nenette и Rintintin – символы большой удачи времен ПМВ

<http://www.republicain-lorrain.fr/actualite/2017/02/26/nenette-et-rintintin-fetiches-de-la-grande-guerre>

У него был автомат Стен/Sten, на конце ствола которого болтались сделанные из шерсти куколки Nenette и Rintintin [символы большой удачи (талисманы) времен ПМВ]. Я понял, что этот парень - настоящий герой, потому что на его оружии был этот талисман.

Грузовик подогнали к площади Clos. Мы видели, что он полон трупов, и все дети бежали за ним. Мы были счастливы и говорили друг другу: «Немцы, немцы! Мы убили их всех!» Грузовик поехал, по дороге из него капала кровь. Он остановился на площади, и все дети, включая меня, запрыгнули в него и стали ходить по трупам. Понимаете, мы хотели увидеть диких зверей. Я очень четко запомнил молодого светловолосого солдата: у него были длинные белые волосы, как пшеница. Потом я всегда думал о том, что мать этого бедного блондина никогда его больше не увидит...

Jean-Loup Gassend. Operation Dragoon: Autopsy of a Battle: The Allied Liberation of the French Riviera August-September 1944. 2014

